

УДК 94(569.1)

Ходынская-Голенищева М.С., кандидат исторических наук, сотрудник Постоянного представительства Российской Федерации при ООН и других международных организациях в Женеве, Швейцария

Сапронова М.А., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

СВЕТСКИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СИРИИ ДО «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» (2000-2011 ГГ.)

Статья посвящена особенностям политико-культурной и социально-экономической политики президента Башара Асада. Уделяется внимание истокам формирования нынешнего политического режима в Сирии, а также тем вызовам, которые стояли перед страной в начале XXI столетия. Доказано, что сохранение этнического и конфессионального баланса было важнейшей задачей для сирийского правительства. Поднимается вопрос о том, что эта задача решалась путем постепенной либерализации в сфере экономики и политической жизни. Особое внимание уделяется светскости политического режима, равноудаленности от этнических и религиозных меньшинств, несмотря на то, что ключевые посты в государстве занимались, преимущественно, алавитами. Актуальность исследования обусловлена тем, что с началом «Арабской весны» этот процесс прервался, а в силу вмешательства в кризис внешних игроков, включая страны региона (КСА, Катар, Турция, Иран) общество раскололось по конфессиональному признаку.

Ключевые слова: Башар Асад, Сирия, сирийский кризис, миропорядок, секуляризм, либерализация, этнические меньшинства, религиозный баланс.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-157-163

Для современной Сирии характерно сильное президентское правление с опорой на армию и спецслужбы. Эта особенность политического режима сложилась еще при президенте Хафезе Асаде (1971-2000 гг.) и была в значительной степени обусловлена сохранявшимся во время его правления состоянием конфронтации с Израилем и режимом чрезвычайного положения, введенным еще в начале 60-х годов [7, с. 24].

Основную роль в политико-партийной жизни государства традиционно играла Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ), основанная в Сирии в 1947 г. Являясь одной из крупнейших партий регионального характера, она была создана в обстановке подъема антиколониальной борьбы арабских народов, бурного роста освободительных движений, среди которых широкое распространение получили призывы к объединению арабов, и стала выразителем идей «возрождения» и «единства» арабской нации, достижения политической и экономической независимости арабских народов» [6, с. 48]. Построенная по территориально-производственному принципу, она пронизывала общество за счет партийных комитетов, созданных в каждой сирийской провинции, и играла ведущую роль в разработке ключевых параметров и направлений развития страны.

При этом, несмотря на то, что ПАСВ продолжала занимать ключевое место в сирийской политической системе, в годы, предшествовавшие началу трагических событий в Сирии, для партии была характерна известная деидеологизация, усиление прагматических начал, переориентация с панарабских на внутренние дела (к примеру, еще при Х. Асаде акцент в экономической политике ПАСВ был перенесен на развитие частного предпринимательства) [1, с. 69; 7, с. 40].

Межконфессиональный и межэтнический баланс в Сирии постепенно менялся, что не могло не сказаться на политике государства. К моменту провозглашения независимости Сирии сунниты насчитывали только 60%, христиане – 13%, алавиты – 12%, исмаилиты – 1%. При этом, большинство населения составляли арабы, а туркоманы и курды – чуть более 10%, ассирийцы – около 1%. За время правления Х. Асада население страны выросло с 6 миллионов до почти 20 миллионов человек, в основном, за счет арабского мусульманского населения в крупных городах (выросло до 70-75% от общего числа населения). Важно, что многие этнические группы в Сирии имели материнское государство в непосредственной близости, которое нередко выступало в их защиту (Турция, Армения), то есть у этнических противоречий

имелось диаспоральное и территориальное измерение [11; 13].

Крайне неоднородным является христианское население Сирии. К православному Антиохийскому патриархату, центром которого является Дамаск, относится около 0,5 миллионов человек – в том числе, крупная группа поселений в «Долине христиан» в провинции Хомс. Антиохийский патриархат является одним из древнейших, что сказывается на его негативном отношении к внешним покровителям и воздействиям. Поэтому патриархат, в целом, лоялен правительству Б. Асада. Аналогичную позицию занимают две «древних восточных» церкви – Сиро-Яковитская и Ассирийская (Сиро-Персидская).

Также в Сирии проживают представители нескольких «восточнокатолических» церквей, которые подчинены Римско-католической Церкви: Мелькитская Церковь, Сирокатолическая Церковь, Маронитская Церковь, Армяно-католическая Церковь, Халдейская Церковь, а также представители Латинского Патриархата. Эти церкви имеют полноценные контакты с зарубежными христианскими центрами, а потому менее полагаются на правящий режим, хотя и не выступают открыто против него [14].

Широко известно, что многие в руководстве Сирии и в руководстве вооруженных сил страны происходят из алавитской общины. Однако еще Х. Асад установил определенные неформальные квоты для представителей других этнических и конфессиональных общин. Например, целый ряд высокопоставленных государственных чиновников при Хафезе Асаде были суннитами: вице-президент Абдель Халим Хаддам, начальник объединенного штаба Сирии Хикмат Шихаби, министр обороны Мустафа Талас и генеральный секретарь партии Баас Абдалла аль-Ахмар. Более того, Мустафа Талас происходил из аристократии г. Алеппо, из очень знатной суннитской семьи.

Сохранение этноконфессионального равновесия было важнейшей задачей, поскольку многие меньшинства проживали анклавами, что создавало возможности для дестабилизации в отдельных районах (алавиты, курды, ассирийцы). Единственно возможной линией поведения в таких условиях

было выстраивание «официального национализма», делающего акцент на общности жителей Сирии вне зависимости от их религиозной или этнической принадлежности, а также обращение к социально-экономической, а не политико-культурной проблематике в текущих действиях властей. Таким образом, акцент делался на светскости режима [9], несмотря на то, что у власти фактически находились представители одного из крупных религиозных меньшинств страны – алавитов.

Придя к власти в 2000 г., Б. Асад приступил к проведению некоторой экономической и социально-политической либерализации доставшегося ему жестко централизованного государства с авторитарной практикой руководства [15, с. 6] и попытался ускорить темпы модернизации Сирии, назвав этот курс «преимущество ради реформ». В своей инаугурационной речи перед парламентом 17 июля 2000 г. он обратился к сирийскому народу с призывом «обновить старые и дать новые идеи» [7, с. 65].

В этом контексте Б. Асад стремился несколько либерализовать практику руководства страной. Во время одной из первых поездок по Сирии он публично появился в торговой зоне Алеппо. Это имело символическое значение. После мятежа «Братьев-мусульман», активно проявивших себя именно в этом городе в конце 1970-х – начале 1980-х гг., Х. Асад ни разу не посещал «северную столицу» САР [6, с. 71]. Новый президент сделал ряд шагов в сторону послабления политической жизни, выпустил из тюрем определенное число активистов, включая членов «братьев-мусульман», сделал ставку на молодую интеллигенцию и бизнес-элиту в деле укрепления демократических и реформистских тенденций.

Все эти шаги президента делались в условиях противодействия многочисленных консерваторов из лагеря Х. Асада, полагавших, что инициирование быстрых перемен способно дестабилизировать политическую обстановку в стране. Группа высокопоставленных представителей армии, спецслужб и партгосаппарата как раз рассчитывала на то, что приход к власти Б. Асада даст возможность сохранить прежнюю политическую и экономическую систему. Это, в свою очередь, позволит им удерживать в своих руках контроль

над важнейшими экономическими и финансовыми рычагами управления [16, с. 166], а потому не испытывали особого энтузиазма в отношении перспектив реформирования устоявшейся политической системы.

Несмотря на противодействие консерваторов, в 2003 г. правящая партия приняла решение ослабить вмешательство в политическую и экономическую жизнь страны. Одновременно, были предприняты меры, призванные оживить партийную деятельность. В частности, в феврале 2009 г. статья Устава ПНФ была изменена таким образом, чтобы в некоторой степени сократить чересчур обширные полномочия ПАСВ. Многие запрещенные партии возобновили деятельность – к примеру, Сирийская национальная социальная партия. Ряд объединений активизировались, в их числе Национальный демократический блок. В ходе выборов места в Парламенте получили независимые кандидаты и партии, не связанные с ПАСВ. Из 21 членов РР и 90 членов ЦК ПАСВ – 12 и 62 соответственно – были заменены новыми людьми. Был принят новый устав ПАСВ, где появились пассажи о демократических реформах, необходимости соблюдения прав человека, укрепления плюрализма и демократии, отвечающих чаяниям и потребностям народа и способных обеспечить реальное участие населения в строительстве государства. С сокращением возможности для партийных функционеров осуществлять патронаж высших государственных институтов, прежде игравших лишь «фасадные» функции, стал расти. Начался процесс совершенствования структуры правительства.

В 2000 г. сирийскими учёными, деятелями искусства, политиками и общественными активистами был принят «Манифест 99-и». Документ призывал к прекращению состояния чрезвычайного положения в стране (длившегося с 1963 г.), а также к освобождению политических заключённых, разрешению репрессированным вернуться в страну, а также предоставить свободу собраний [20]. Вскоре после этого «подписантами» Манифеста был основан Комитет гражданского общества, который вскоре получил поддержку ряда западных государств.

Данная тенденция получила развитие в виде «Заявление 1000-и», которое было подписано в январе 2001 г. сирийскими общественными деятелями, писателями, учёными,

активистами. В документе выражалась критика однопартийной системы государственного управления и содержался призыв к установлению многопартийной демократии.

К этому же периоду относится возникновение либерального течения «Дамасская весна», члены которого публично выступили с призывами к демократизации, введению многопартийности и освобождению политзаключенных. В 2001 г. лидер движения «Дамасская весна» А. Далиля был осужден за посягательство на конституционный строй, подстрекательство к мятежу и распространение ложной информации, затрагивающей национальные интересы САР.

Необходимо отметить, что столь жесткая реакция властей Сирии на попытки активизации со стороны оппозиции была обусловлена не позицией Б.Асада, а, скорее, подходом т.н. «старой гвардии» политической элиты страны, ассоциировавшей себя со временами отца президента – Х.Асада – и не допускавшей возможности для либерализации политической жизни страны.

Следующим шагом стала резонансная «Дамасская декларация» 2005 г., принятая рядом оппозиционных и правозащитных организаций, в которой подчеркивалась необходимость смены власти в Сирии путем осуществления демократических преобразований. Позднее некоторые сторонники «Дамасской декларации» также подверглись аресту и заключению.

В целом, можно констатировать, что ни сторонники «Дамасской весны», ни «Дамасской декларации», ни находившиеся в глубоком подполье «Братья-мусульмане» не имели серьезного влияния на ситуацию в стране, остававшаяся под плотным контролем режима.

Важным шагом в деле расширения этнического и конфессионального представительства стало назначение курда Мухаммеда Мустафы Меро премьер-министром Сирии (2000-2003). Подобные назначения происходили и в последующие годы: туркоман Хасан Туркмани – начальник штаба Вооруженных Сил (2002-2004) и министр обороны (2004-2009), черкес Бассам Абдель Маджид – министр внутренних дел (2006-2009). Хотя в исполнительных органах власти преобладали сунниты (при заметном присутствии алавитов), при Б. Асаде началось выдвижение на

высокие посты представителей христианской общины: Ибрагим Хадад – министр нефти и минеральных ресурсов (2001-2006), Давуд Райха – начальник штаба Вооруженных Сил (2009-2011) и министр обороны (2011-2012).

Свидетельством более мягкого и открытого подхода новой власти Сирии к этнонациональным проблемам можно считать относительно мягкую реакцию на массовые акции курдов (2004) и ассирийцев (2005), которые проживают в наименее развитых регионах страны и нередко испытывают на себе различные формы дискриминации. В отличие от Х. Асада, который проводил политику насильственного переселения и вынужденной арабизации, стремясь тем самым ассимилировать этнические меньшинства, новый руководитель Сирии воздерживался от резких мер в отношении неарабского населения страны.

Этих в определенном смысле поверхностных мер было недостаточно, чтобы превратить САР в действительно демократическое государство с плюралистической политической системой. Рассматривать осуществлявшиеся Б. Асадом реформы также необходимо в контексте внешних условий, в которых они осуществлялись – а это возраставшая нестабильность на Ближнем Востоке: в соседнем Ираке находились американские войска, происходил очередной виток арабо-израильского конфликта.

Имея в виду далеко не радикальный характер реформ в силу ограничителей как внутреннего, так и внешнего характера – ряд экспертов полагают, что при отсутствии реальной политической конкуренции вышеупомянутые изменения можно назвать «формой селективного партийного плюрализма». Определенная размытость принимаемых и принятых решений – это не специфическая характеристика режима Б. Асада, а общая закономерность современной эпохи (эпохи постиндустриального, постсовременного общества) [2]. Тем не менее, это был выраженный курс на определенную открытость в управлении государством и отход от прежних жестких баасистских установок. Партийная жизнь оживилась. Некоторые оппозиционные фигуры стали активнее вести себя на политической арене. Глава САР демонстрировал намерение продолжать заданный курс, что давало основания полагать, что у Сирии

был шанс постепенно развиваться в самобытную форму «ближневосточной политсистемы», в рамках которой плюрализм учитывал бы особенности исторического развития и местной политической традиции [8].

Начавшийся в 2011 г. внутренний вооруженный конфликт стимулировал Дамаск на некоторые перемены – такие, например, как «Закон о партиях», а также принятие новой Конституции в 2012 г. Однако ожесточенный характер противостояния «на земле», массивное содействие, оказанное Западом и некоторыми странами региона политической и вооруженной оппозиции, жесткая критика режима со стороны «антиасадского лагеря», приостановка членства Сирии в ЛАГ, разрыв дипотношений ряда государств с Сирией и призывы США, Франции, Великобритании, Катара, КСА, Турции и др. к свержению Б.Асада – все это довольно быстро привело к развитию в сирийских политических элитах так называемого «бункерного мышления» [3], а сам президент САР и представители ранее либерально настроенного окружения стали смотреть на ситуацию в Сирии через призму «заговора» внешних сил против и легитимной борьбы Дамаска против террористов (к которым причислялось большинство оппозиционеров, включая, например, Высший комитет по переговорам, который являлся политической организацией – именно так глава правительственной команды Б. Джафари квалифицировал ВКП в ходе межсирийского диалога в Женеве [17]). Причем такая риторика была характера для Б.Асада и его сподвижников как в 2011 г., так и в 2017 г. (справедливости нужно отметить, что критика Дамаском внешних сил была порой далеко не безосновательной) [18; 19].

Это не могло не повлиять на мышление сирийского руководства, которое с каждым месяцем конфликта «замыкалось в себе» и с возраставшим недоверием смотрело на перспективы либерализации политической жизни страны, воспринимая каждый возможный шаг в этой области как уступку государствам-врагам САР. Поддержка, оказываемая режиму Россией и Ираном – как военная, так и политическая – лишали сирийское руководство мотивации к проведению реформ. Более того, в Дамаске были уверены в том, что никакие из-

менения не будут восприняты Западом и некоторыми странами региона, открыто требовавшими ухода Б. Асада, а потому смысла в проведении реформ нет: они лишь ослабят государственность, но не приведут к успокоению обстановки – ведь «враги» Сирии продолжат подпитку террористов [5].

Выводы

Таким образом, до 2011 года в Сирии происходила постепенная эволюция политического режима, которая сводилась к постепенным шагам по либерализации экономического и политического устройства, постепенное вовлечение в политический процесс этнических и конфессиональных меньшинств. Идейным основанием для выстраивания более инклюзивного политического порядка были доктрины сбансированного представительства и светского государства, которые обосновывали важность общегражданской

сирийской идентичности, а не партикуляристских локальных и этноконфессиональных идентичностей – в общем, это абсолютно европейский подход [10; 12]. Безусловно, данный процесс не был линейным, зависел от множества факторов, включая степень сопротивления соратников Х. Асада новым политическим и экономическим начинаниям и способность нового президента отстоять свою позицию в условиях традиций демонстрация публичного согласия в рядах партии «Баас». Важно понимать, что процесс экономической и политической либерализации в Сирии был прерван событиями «Арабской весны» [4]: фактически, возобладала авторитарная тенденция консолидации властных полномочий в руках узкого круга приближенных президента на фоне сворачивания возможностей парламентского диалога, интеллектуальных дискуссий и отказа от полноценной дерегуляции экономики Сирии.

Список литературы

1. Аксютин А. И. Сирийская Арабская республика / А. И. Аксютин, Э. А. Али-Заде, В. М. Ахмедов и др.; под ред. М. И. Штемпеля. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1997. – 224 с.
2. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. "Квантовая" теория принятия решений в политической науке // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. С. 22-32.
3. Алексеева Т. А. Дилеммы безопасности: американский вариант / Т. А. Алексеева // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 6. – С. 16 – 28.
4. Антюхова Е. А. «Арабская весна»: политические кризисы и конфликты в государствах Ближнего Востока и Северной Африки / Е. А. Антюхова // Национални интерес. – 2016. – Т. 27. – № 3. – С. 147 – 167.
5. Антюхова Е.А. Технологии ведения США и НАТО информационно-сетевых операций в конфликтах «Арабской весны» / Е. А. Антюхова // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 95-100.
6. Ахмедов В. М. Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности / В. М. Ахмедов. – М.: ИВРАН, 2005. – 189 с.
7. Ахметов В. М. Мир глазами президента Сирии Хафеза Асада / В. М. Ахметов, В. А. Исаев, А. О. Филоник. – М.: ИВ РАН, 2000. – 248 с.
8. Водолазов Г.Г. Реальный гуманизм как идеология современности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2015. № 13. С. 9-28
9. Касаткин П. И. Глобализация культуры: проблемы и перспективы / П. И. Касаткин // Власть. – 2017. – Т. 25. – № 8. – С. 40 – 48.
10. Касаткин П. И. Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI веке / П. И. Касаткин, И. М. Хрусталева, В. А. Аватков // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 6 (27). – С. 79 – 93.
11. Лошкарёв И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке / И. Д. Лошкарёв // Этносоциум и межнациональная культура. – 2017. – № 4 (106). – С. 70-78.
12. Минеев А.П. К вопросу о политической инокультурности российских регионов // Актуальные проблемы Европы. – 2015. – № 1. С. 81-98.

13. Пареньков Д.А. Мониторинг как инструмент повышения качества таможенного администрирования // Роль и место Российской таможенной академии в развитии таможенного дела сборник материалов Международной юбилейной научно-практической конференции в 2 частях. Ч. 1. Люберцы: РТА, 2008. С. 211-214.
14. Совгира Я.В. Об особенностях положения христианских общин разных конфессий в Сирии в 2011-2016 гг. / Я. В. Совгира // Коммуникология. – 2017. – Т. 5. – № 2. – С. 134 – 143.
15. Шаик М. С. Сирия между вмешательством и реформами / М. С. Шаик. – Каир, 2005. – с. 46.
16. Юрченко В. П. Сирия: проблемы национальной безопасности (военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.) / В. П. Юрченко. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – 246 с.
17. *Damascus Provides de Mistura With Proof Some HNC Members Are Terrorists*. – 2 March 2017. URL: <https://sputniknews.com/politics/201703021051209366-syria-hnc-terrorism-mistura>.
18. *President Al-Assad's ABC Interview*. – 7 December 2011. URL: http://www.president-tassad.net/index.php?option=com_content&view=article&id=177:president-al-assad-s-abc-interview&catid=103&Itemid=468.
19. *President Assad outlines US, Israeli plots against Syria*. – 27 April 2017. URL: <http://www.presstv.ir/Detail/2017/04/27/519706/Israel-Syria-Bashr-Assad>.
20. *Statement by 99 Syrian Intellectuals // Al-Hayat*. – 27 September 2000. URL: https://www.meforum.org/meib/articles/0010_sdoc0927.htm.

SECULAR AND ETHNOCONFESSIONAL ASPECTS OF THE SYRIAN POLITICAL SYSTEM BEFORE THE ARAB SPRING (2000-2011)

The article is devoted to the peculiarities of the politico-cultural and socio-economic policy of President Bashar Assad. The author draws attention to the origins of the formation of the current political regime in Syria, as well as the challenges that the country faced at the beginning of the XXI century. The author states that the preservation of ethnic and confessional balance was the most important task for the Syrian government. The article argues that that this task was solved through gradual liberalization in the sphere of economy and political life. Given the fact that key positions in the state were mainly occupied by the Alawites, the article explores the secularism of the political regime, equidistance from ethnic and religious minorities. The main conclusion is the following: with the beginning of the "Arab Spring" the process of political rebalancing was interrupted due to interference in the crisis of external players, including the countries of the region (KSA, Qatar, Turkey, Iran). Thus the society split was forged in accordance with confessional lines.

Keywords: Bashar al-Assad, Syria, Syrian crisis, world order, secularism, liberalization, ethnic minorities, religious balance.

References

1. Aksjuhin A.I. (1997). *Sirijskaja Arabskaja respublika* [Syrian Arabic Republic]. Pod red. M.I. Shtempelja. Moscow: Institut izuchenija Izrailja i Blizhnego Vostoka. 224 p.
2. Alekseeva T.A., Mineev A.P., Loshkarjov I.D. (2017). "Kvantovaja" teorija prinjatija reshenij v politicheskoj nauke [Quantum-like theory of decision-making]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Political Studies]. 4, 22-32.
3. Alekseeva T.A. (1993). Dilemmy bezopasnosti: amerikanskij variant [Dilemmas of security: the American variant]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Political Studies]. 6, 16-28.
4. Antjuhova E.A. (2016). «Arabskaja vesna»: politicheskie krizisy i konflikty v gosudarstvah Blizhnego Vostoka i Severnoj Afriki [The Arab spring: political crises and conflicts in the Middle East and the Northern African states]. *Nacionalni interes*. 27, 3, 147-167.
5. Antjuhova E.A. (2015). Tehnologii vedenija SShA i NATO informacionno-setevyh operacij v konfliktah «Arabskoj vesny» [US and NATO technologies of information network's operation in the Arab spring's conflicts]. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of the Bryansk state university]. 1, 95-100.
6. Ahmedov V.M. (2005). *Sirija pri Bashare Asade. Regional'nyj opyt modernizacii v uslovijah vneshnej nestabil'nosti* [Syria under Bashar Asad. Regional experience of modernization given exogenous instability]. Moscow: IVRAN. 189 p.
7. Ahmetov V.M. (2000). *Mir glazami prezidenta Sirii Hafeza Asada* [The world by the Syrian president Hafez Asad] / V. M. Ahmetov, V. A. Isaev, A. O. Filonik. Moscow: IV RAN. 248 p.

8. Vodolazov G.G. (2015). Real'nyj gumanizm kak ideologija sovremennosti [Real humanism as ideology of modern days]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. [The Herald of the Russian state humanitarian university]. 13, 9-28
9. Kasatkin P.I. (2017). Globalizacija kul'tury: problemy i perspektivy [Globalization of culture: problems and prospects]. *Vlast'* [Power]. 25, 8, 40-48.
10. Kasatkin P.I. (2012). Evrobezopasnost', integracija i «mjagkaja sila» migracii v XXI veke [European security, integration and soft power of migration in XXI century]. *Vestnik MGIMO-Univer-siteta* [MGIMO review of international relations]. 6 (27), 79- 93.
11. Loshkariov I.D. (2017). Jevoljucija ponjatija «diaspora» v politicheskoj nauke [Evolution of the concept diaspora in the Political Science]. *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura* [Ethnosocium and intranational culture]. 4 (106), 70-78.
12. Mineev A.P. (2015). K voprosu o politicheskoj inokul'turnosti rossijskih regionov [On the issue of political foreignness in Russian regions]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Actual problems of Europe]. 1, 81-98.
13. Paren'kov D.A. (2008). Monitoring kak instrument povyshenija kachestva tamozhennogo administrirovanija [Monitoring as a tool of advancing customs administration]. *Rol' i mesto Rossijskoj tamozhennoj akademii v razvitii tamozhennogo dela sbornik materialov Mezhdunarodnoj jubilejnoj nauchno-prakticheskoj konferencii v 2 chastjah*. Ch. 1. Ljubercy: RTA, 211-214.
14. Sovgira Ja.V. (2017). Ob osobennostjah polozhenija hristianskih obshhin raznyh konfessij v Sirii v 2011-2016 gg. [Christian communities of different denominations in Syria in 2011-2016]. *Kommunikologija* [Communicationology]. 5, 2, 134-143.
15. Shaik M.S. (2005). *Sirija mezhdu vmeshatel'stvom i reformami* [Syria between intervention and reforms]. Kair. 46 p.
16. Jurchenko V.P. (2004). *Sirija: problemy nacional'noj bezopasnosti (voennaja politika i voennoe stroitel'stvo v period pravlenija PASV 1963–2004 gg.)* [Syria: problems of national security – military policy and military development during Baath rule]. Moscow: Institut izuchenija Izrailja i Blizhnego Vostoka, 246 p.
17. *Damascus Provides de Mistura With Proof Some HNC Members Are Terrorists*. — 2 March 2017. URL: <https://sputniknews.com/politics/201703021051209366-syria-hnc-terrorism-mistura>.
18. *President Al-Assad's ABC Interview*. — 7 December 2011. URL: http://www.president-tassad.net/index.php?option=com_content&view=article&id=177:president-al-assad-s-abc-interview&catid=103&Itemid=468.
19. *President Assad outlines US, Israeli plots against Syria*. — 27 April 2017. URL: <http://www.presstv.ir/Detail/2017/04/27/519706/Israel-Syria-Bashr-Assad>.
20. *Statement by 99 Syrian Intellectuals // Al-Hayat*. — 27 September 2000. URL: https://www.meforum.org/meib/articles/0010_sdoc0927.htm.

Об авторах

Ходынская-Голенищева Мария Сергеевна – кандидат исторических наук сотрудник Постоянного представительства Российской Федерации при ООН и других международных организациях в Женеве, E-mail: khodynskaya_m@mail.ru

Сапронова Марина Анатольевна – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: m.sapronova@inno.mgimo.ru.

Khodynskaya-Golenishcheva Maria Sergeevna – PhD in History, employee of the Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations and other international organizations in Geneva, E-mail: khodynskaya_m@mail.ru

Sapronova Marina Anatolyevna - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), E-mail: m.sapronova@inno.mgimo.ru.